

РОССИЙСКИЙ ПАРТОГЕНЕЗ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI в.: ПРОБЛЕМА ПЕРИОДИЗАЦИИ

Рассматриваются тенденции развития российской партийной системы в последние два десятилетия и имеющиеся в отечественной политической науке подходы к периодизации этого процесса. Подчеркивается, что большинство политологов связывает развитие партий с динамикой политического режима, эволюцией законодательства, характером взаимодействия партий и государства. Приводится авторская точка зрения на периодизацию российского партотгенеза.

Ключевые слова: российские партии; партотгенез; институционализация.

В современном мире, несмотря на идущие трансформации, политические партии остаются одним из базовых элементов политической системы. Особенно их роль возрастает в переходные периоды, когда результаты реформ во многом детерминируются расстановкой политических сил и степенью их заинтересованности в изменениях. С другой стороны, как и любой институт, партии, а тем более партийная система в целом, институционализируются постепенно, «от ступени к ступени», «от качества к качеству», «ко все большей степени сложности и организованности» [1. С. 24]. В связи с этим партотгенез тесно связан с общим политическим процессом в стране и отражает его характерные особенности, о чем наглядно свидетельствует российский опыт партийного строительства.

Историю политических партий в нашей стране вполне можно назвать историей парадоксов. Формально она начинается с 1905 г., в то время как нелегальные народнические протопартии и партии возникали с 60-х гг. XIX в. Именно их модели и принципы организации, испытав воздействие как западного опыта партийного строительства того времени, так и российской политической культуры, сформировали тот вариант политического института, который мы называем российскими партиями.

Легальный отечественный партотгенез проходил в две волны и соответствовал началу и концу XX в. Его современный этап логично отсчитывать с рубежа 1980–1990-х гг. как одно из направлений политической трансформации, т.к. лозунг построения западной модели общества в нашей стране делал закономерным ориентацию на опыт западных стран, в том числе и в области партийного строительства. Однако вопрос внутренней периодизации развития российских политических партий до сих пор остается дискуссионным. А потому, не претендуя на полноту охвата имеющихся точек зрения, я попытаюсь в данной статье охарактеризовать основные подходы к рассмотрению данной проблемы, акцентируя внимание на институционально-правовом основании периодизации.

По мнению большинства исследователей российской многопартийности, в частности В.Н. Березовского, И.М. Бунина, Б.И. Макаренко, С.Е. Заславского, З.М. Зотовой и др. [2–4], вопрос о стадиях партотгенеза может быть увязан с важнейшими общественно-политическими событиями, кардинально изменившими статус и функциональное назначение партий. В этой логике развитие системы и соответствующее структурирование политических сил определялось, прежде всего, политическими «шоками»: крахом «партии-государства» КПСС, распадом Союза ССР, противостоянием исполнительной и законодательной власти, голосованиями-плебисцитами (1991 г., майским референдумом 1993 г.) и борьбой институтов разных уровней.

Так, Б.И. Макаренко выделял два этапа развития партийной системы: от появления первых конкурентных выборов до принятия Конституции (1989–1993 гг.) и от принятия Конституции до принятия Федерального закона «О политических партиях» (1993–2001 гг.) [5. С. 2–3].

С.Е. Заславский делит ее на «пять относительно коротких временных отрезков, на каждом из которых процесс правовой и политической институционализации политических партий осуществлялся особенно интенсивно»:

1) законодательное допущение создания альтернативных партий и «первая волна» образования партий 1990–1991 гг. в рамках кризиса однопартийной системы;

2) департизация государственного аппарата, роспуск КПСС и образование на ее основе ряда левых партий (КПРФ, СПТ, РКРП, РПК и др.);

3) острый политический кризис противостояния ветвей власти в 1993 г., первые многопартийные выборы и формирование Государственной думы первого созыва;

4) первичное структурирование партийной системы по итогам электорального цикла 1995–1996 гг. и перегруппировка политических сил накануне и в ходе электорального цикла 1999–2000 гг.;

5) принятие Федерального закона «О политических партиях» и обновление партийной системы на новой законодательной основе [4. С. 56].

К этому подходу примыкает достаточно оригинальная периодизация российского партотгенеза, предложенная Ю.Г. Коргуноком. Опираясь на типологию партийных систем Дж. Сартори, он относит российскую модель к разряду «незавершенных» партийных систем, в которой «даже партии, представленные в парламенте, не имеют решающего слова при определении государственного курса» [6. С. 108]. В конце XX – начале XXI в. она проходит четыре этапа – состояния развития.

1. С конца 1980-х гг. по 1993 г. существовавшая в СССР однопартийная система переходит во «флуктуационную». «Такие системы возникают в момент революционных взрывов» и состоят из «множества» мелких, маловлиятельных «образований, созданных в эйфории политического творчества и не способных ни к выстраиванию сколько-нибудь долгосрочных связей с обществом, ни к конструктивному сотрудничеству друг с другом».

2. 1993–2000 гг. – стадия «периферийной» системы, в которой партии ведут бурную политическую жизнь, «определяют политическое лицо парламента, но не способны и, по большому счёту, не готовы реально контролировать деятельность правительства» [7. С. 243].

3. 2000–2003 гг. – переход к «псевдопартийной» системе.

4. С 2003 г. – период «псевдопартийной» системы, которую отличает «перевернутый» характер отношений

между партиями и властью. Место правящей партии здесь занимает «партия власти», которая не формирует правительство и не определяет государственный курс», а «сама является творением правящей бюрократии и ее послушным орудием». Парламент также ставится под контроль исполнительной власти, которая формальными и неформальными способами обеспечивает доминирование в нем «партии власти» [6. С. 109–110].

Другие исследователи, например, В.А. Лепехин, в качестве основания для выделения этапов развития российской партийной системы использовали качественную трансформацию внутренней структуры и функций отдельных партий. Они рассмотрели его как «процесс приобретения» политическими организациями «сущностных признаков политической партии» [1. С. 24]. Так, В.А. Лепехин выделяет в развитии отечественных партий четыре этапа:

- этап формирования протопартийных структур, «добора ряда признаков, свойств, качеств» и ресурсов, которые бы позволили «осуществить первичную формализацию». По мнению исследователя, таковых к началу 1990 г. насчитывалось «около трех десятков»;

- этап формирования ядер будущих партий – «устойчивых совокупностей лидеров или активистов организаций, олицетворяющих собой основной вектор» их развития, «обладающих высокой и устойчивой активностью, способностью к воспроизводству «партийного вещества»»;

- этап становления (завершения формирования) партий, на котором они приобретают все классические признаки партии и превращаются, говоря словами М. Вебера, в «предприятия по производству политики»;

- этап функционирования и развития партий, включающий их текущую деятельность в рамках политического процесса [1. С. 24–25].

Данный подход во многом опирается на представления об эволюции партий М. Вебера и институционалистов.

Еще одним основанием разделения партогенеза на периоды 1990-х и 2000-х гг., на мой взгляд, может стать доминирующий способ образования партий. В 90-е гг. прошлого века партии в основном создавались путем самоорганизации, без значительного влияния государства. В механизмах их формирования почти в равной доле присутствовали как «электоральный», по терминологии М. Дюверже, вариант самоорганизации «снизу», так и «парламентский» путь «сверху».

Путем самоорганизации формировалось большинство первичных политических объединений конца 1980 – начала 1990-х гг. Они зарождались в результате инициативы группы лиц, изначально функционировали в качестве различного рода неформальных объединений (народных фронтов, клубов гражданских и правовых инициатив и т.д.), а затем, в процессе своего развития, эволюционировали к организационной форме политической партии. Так возникли, например, Партия свободного труда, Русская партия, Консервативная партия России. Их общими признаками стала слабая организационная устойчивость, значительное влияние фактора межличностных отношений на организационное единство партии и высокая степень персонификации курса партии в имидже ее лидера. По сути, это были идеологические клубы, в которых политически активная часть общества

видела средство реализации собственных политических убеждений, отличных от официальной точки зрения.

Закрепление возможности участия партий в формировании представительных органов государственной власти в Конституции РФ 1993 г. поставило перед политиками задачу превращения их в электорально эффективные структуры. Созданные «снизу» слабо организованные и ресурсообеспеченные, недолговечные партии «первой волны» ей не отвечали. Поэтому начиная с 1993 г. преобладающей формой партобразования постепенно становится построение партии «сверху». В этом случае основой институционализации выступают уже накопленные политический потенциал и организационные возможности учредителей партии, в совокупности составляющие ее политико-организационное ядро. Именно оно осуществляло планомерную разработку программных документов партии и создавало ее организационную инфраструктуру. Вопрос о распределении властных полномочий создаваемой организации решался по предварительной договоренности между потенциальными лидерами.

Таким образом, процесс образования партии «сверху» в действительности означал лишь формализацию фактически уже установившихся отношений между представителями определенного сегмента политической элиты, сплоченной общими корпоративными интересами [4. С. 39]. Инициаторами такого создания партий оказывались либо высшие руководители федеральных и региональных органов исполнительной власти, либо представители депутатского корпуса. В последнем случае, как правило, происходило организационное слияние парламентской фракции со своими группами поддержки, чтобы, создав собственную политическую базу, сохранить или повысить уже имеющийся статус фракции. По такой модели были образованы как кратковременные Российский общенародный союз (1991 г.), движение «Смена – новая политика» (1992 г.), «Стабильная Россия» (1995 г.), так и сравнительно успешные проекты: движения «Регионы России» (в 1999 г. стало одним из учредителей блока «Отечество – Вся Россия») и «Народный депутат», после 2001 г. преобразованное в Народную партию РФ.

Электоральный путь образования политических партий в классическом варианте также имел место в России 1990-х гг., например в создании на базе избирательных блоков партии «Демократический выбор России» (1994 г.) и объединения «Яблоко» (1995 г.). К этой же модели ряд исследователей, например С.Е. Заславский [4. С. 40], относят образование движения «Единство» (2000 г.). Однако, на мой взгляд, в данном случае имела место «смешанная» модель, когда интеграция избирательных комитетов сочеталась с определенными ресурсами и усилиями исполнительных органов власти, направленных на поддержку избрания тогдашнего «приемника» – В.В. Путина.

Еще одним организационным источником создания партий на первом этапе партогенеза являлся процесс дробления уже существующих партий и движений. Часть из них образовалась в результате внутрипартийных расколов в только что созданных политических партиях. Так были созданы Свободно-демократическая партия России и Российская социально-либеральная партия. Основой для образования других партий послужили раз-

личные теоретические платформы, течения, организационно неформальные группировки внутри КПСС. Часть из них, зарождающаяся как достаточно лояльные по отношению к КПСС организационные объединения, впоследствии все более дистанцировались от нее в своей политике и в итоге заявляли о полном идейном и организационном разрыве с компартией. В 1990–1991 гг. к таким организациям относились «Демократическая платформа в КПСС» (впоследствии – Республиканская партия РФ), «Демократическое движение коммунистов» (впоследствии – Российская социал-демократическая народная партия). Другие, особенно возникшие после прекращения деятельности КПСС в августе 1991 г., напротив, провозглашали свою правопреемственность от КПСС с сохранением базовых политических принципов компартии. Несмотря на значительный элемент самоорганизации, политические партии подобного происхождения в решающей степени опирались на уже имеющиеся политические связи, а также на сохранившиеся и реально действующие фрагменты организационной инфраструктуры [8. С. 161–163]. Так, созданная в 1993 г. Коммунистическая партия Российской Федерации объединила уцелевшие региональные структуры бывшей КПСС.

В 2000-е гг. с принятием Федерального закона «О политических партиях» и внесением изменений в избирательное законодательство ситуация существенно меняется. Путь создания партий «снизу» становится практически нереализуем, в связи с чем главной моделью партообразования становится путь слияния структур нескольких партий в одну укрупненную партию при поддержке данного процесса органами власти. В 2000–2002 гг. этим способом были созданы партия «Единая Россия», Российская коммунистическая рабочая партия – Российская партия коммунистов, Социал-демократическая партия Российской Федерации и др. Но особенно активно блокирование развернулось, как уже отмечалось, накануне избирательного цикла 2007–2008 гг. в связи с необходимостью ресурсного усиления партий. В 2006 г. была образована партия «Справедливая Россия» из партии «Родина», Российской партии ЖИЗНИ и Российской партии Пенсионеров. Как и в случае «Единой России», объединение осуществлялось очень «громко», т.к. появлялась возможность доступа к ресурсам и в новую структуру устремились все, кто не успел войти в «партию власти» или не поладил с ней.

С 2007 г. блокирование приобретает форму присоединения мелких партий к крупным, в связи с чем буквально за год число зарегистрированных партий сократилось с 11 до 6. Так, к «Единой России» присоединилась Аграрная партия России, к «Справедливой Рос-

сии» – Экологическая партия «Зеленые». Партия Мира и Единства влилась в «ПАТРИОТЫ РОССИИ».

В целом, придерживаясь первого подхода к периодизации российского партогенеза и во многом соглашаясь с хронологией Ю.Г. Коргунюка, мне кажется возможным принять за основу выделения стадий развития российских партий институционально-правовой фактор и разделить этот процесс на три этапа:

1. Конец 1980–1993-х гг. – разрушение однопартийной системы и переход к ситуации конкуренции протопартийных образований. Партии существовали в форме идеологических клубов, не имея возможности и желания целенаправленно участвовать в формировании органов государственной власти.

2. 1993–2000 гг. – партии были законодательно признаны и получили статус обязательного участника процесса формирования федеральной легислатуры. При этом генезис партийной системы осуществлялся по принципу «естественного отбора», без существенного вмешательства государства в этот процесс. В российском политическом дискурсе, как и в законодательстве, фактически не существовало понятия политической партии. В выборах могла участвовать любая организация, ставящая такую цель в своих программных документах (профсоюзы, общественные объединения, собственно партии). Многие партии изначально существовали только «на бумаге» либо исчезали сразу после выборов. Соответственно и общество их никак не идентифицировало. Для него, вполне в соответствии с законами партологии, партиями являлись лишь политические силы, представленные в Государственной Думе или прежде находившиеся в ней и длительное время присутствующие в политическом пространстве России.

3. С 2001 г. – с принятием Закона «О политических партиях» российские партии получили четкое юридическое определение и значительные преференции в избирательном процессе. В то же время партогенез был поставлен под контроль государства, партии из института гражданского общества перешли в разряд элементов «вертикали власти».

Иными словами, российский партогенез конца XX – начала XXI в. представляет собой не только процесс усложнения партийных структур и упорядочивания отношений между ними, но и процесс усиления роли государства в организации общественно-политической активности. Из естественной эволюции, регулируемой законами электроального рынка, он превратился в жестко регламентированное и контролируемое средство мобилизации лояльных режиму политических сил, что ставит отечественную партийную систему в зависимость от устремлений и трендов развития федеральной политической элиты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лепехин В.А. Некоторые аспекты современного российского партогенеза // Вестник МГУ. Сер. 12. 1992. № 3. С. 23–35.
2. Березовский В.Н. Российская многопартийность в конце XX в.: процесс возникновения: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1993.
3. Бунин И., Макаренко Б. Политические партии: испытание выборами // Формирование партийно-политической системы в России. М., 1998. С. 47–79.
4. Заславский С.Е. Политические партии: Проблемы правовой институционализации. М., 2003.
5. Макаренко Б.И. Партийная система в России: эволюция, нынешнее состояние и перспективы. М., 2001. URL: <http://www.carnegie.ru/ru/news/2286white-book-01-jan-www.pdf>
6. Коргунюк Ю.Г. Становление партийной системы в современной России. М., 2007.
7. Коргунюк Ю.Г. Российские политические партии зимой – весной 2004 г. // Полития. 2004. № 1. С. 243–279.
8. Михалева Г.М. Российские партии в контексте трансформации. М., 2009.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 1 марта 2010 г.